

Я (Не) ЗАБУДУ ЕГО

Полина Ракитина

Полина Ракитина

Я (не) забуду его

<https://litres.ru/74204424>

Аннотация

Он бросил меня в день моего рождения... Отмахнулся, как от пустого места, коротким смс «Извини! Женюсь!». Он выбросил и стер меня из своей жизни на многие годы. Я научилась жить без него, стала чемпионкой мира по бегу и менеджером мирового фитнеса. А два месяца назад получила новое смс: «Привет. Как дела? Я год как в разводе! Может быть кофе?» И почему я не поменяла телефон... Черт!..

Содержание

ГЛАВА 1	4
ГЛАВА 2	11
ГЛАВА 3	23
Конец ознакомительного фрагмента.	31

ГЛАВА 1

ГЛАВА 1

— Ты красивая, умная, хорошо готовишь, ты прекрасна во всем... даже, — тут его голос потух и сделался тише. — Да, ты определенно хороша в постели, но я тебя не люблю...

Его слова вошли в меня, как копье с картины Виктора Васнецова «Витязь на распутье». Я – обладательница медали по бегу на короткой дистанции среди юниоров, мастер спорта, у меня, в конце концов, красный диплом международного спортивного менеджмента, – не заслуживаю простого люблю от какого-то разведенного сорокалетнего мужика с кредитом и алиментами на троих детей? А я им уже подарки купила и представила, как мы весело проведем эти каникулы. Я даже отпуск взяла в своей спортивной школе, чтобы сблизиться и стать... кем-то! Нет, обладательница красного диплома, умница и красавица, спортсменка — не уровень для этого... В мой поток волнений и закипающего бешенства он нагло продолжает вторгаться.

— Что молчишь?

Я оторвала взгляд от красивого сердечка в своем капучино и ответила, еле сдерживая, тот разрывной снаряд, только что был брошенный в меня:

— Ты...ты... – но мой голос сорвался и прохрипел – просто Мудак!

Жадно глотая слезы отчаяния, боли я понеслась вдоль по улице. Прямо на парковку. А там, упершись руками в капот своей красненькой «Тойоты», пыталась собрать тело и мысли до кучи, чтобы отдышаться. Снаряд вот-вот разорвет мой мозг на части.

Девятнадцать лет жизни! Я знаю его девятнадцать лет, и все эти годы, как Гамлет, гналась, ждала этот тлеющий призрак любви. Пока он учился, потом женился, «рожал» детей, а в перерывах, украдкой, писал мне, совершенно как другу: «Привет. Как дела?»

Поначалу, в порывах верности своей любви, я отвечала. Но с годами во мне начинали появляться сомнения и даже некое понимание того, что это неправильно. Неприлично. Даже аморально. Женатый мужик пишет мне, а я ему отвечаю.

Преодолев тот неизвестный страх, раздавив в себе червяка, который вечно твердит, что ты навсегда останешься одна и тебя никто и никогда не полюбит, я все же – прекратила общение. Оборвав все на долгие годы.

Но вот, спустя пять лет, получила новое сообщение: «Привет! Как дела? Я год как в разводе. Может кофе?»

И почему я не поменяла телефон. Нет. Телефон я меняла, но номер восстанавливала каждый раз прежний. Моя мама не любит перемен. И так как этот номер выбирал мне еще при жизни папа: она слезно умоляла не менять его. Скорее всего, моя мать просто манипулировала мной, чтобы не па-

риться с запоминанием новых цифр. Спасибо, МАМА!

А теперь страдаю я. Естественно, не прошло и двух дней, как я уже перемыла посуду у него на кухне. А на третий день спланировала весь отпуск, который должен быть у меня только через два месяца. И морально я готовилась стать матерью трем его замечательным ребятишкам. Своих детей у меня пока не было. Зато! Я умело справлялась с двадцатью подающими на великое олимпийское золото юниорами. Но быть мамой это же совсем другой разговор, поэтому мною были куплены все книги по детской психологии с заголовками «Как стать лучшей мачехой».

На подготовку к материнству я отвела себе два месяца. Но через две недели, постоянных мыслей и трепета предвкушения будущего знакомства, все книги были прочитаны, все видеоконсультации изучены. Я сгорала от нетерпения скорее воочию увидеть ребятишек за столиком в кафе или пойти с ними в цирк, зоопарк. Но, мой бывший-новый возлюбленный не торопился.

Мне все же пришлось вступить на путь двухмесячного ожидания.

И за день до начала отпуска и каникул мне сообщают... пренеприятнейшую новость. Страшно это произносить, чувствуешь себя какой-то недоделанной и поломанной. Такое ощущение, что на фабрике по производству девушек для... Мудака, меня не доделали, короче не усовершенствовали: мне дали мозги, фигуру, красоту, темперамент, но вот сек-

ретного ингредиента такой, что положили в его бывшую жёну, в которую он почему-то успел влюбить за два дня знакомства, в меня забыли впихнуть. «И как это понимать? Боженька, ну зачем ты вообще нас свел тогда? Что за чертовщина такая!» — я с силой ударила по колесу ногой, и моя машинка рассердилась на меня, издавая нудное завывание с попеременным писком.

Вот, спросите меня, нет, будьте любезны, раз вы читаете меня, спросите:

– Что ты в нем нашла?

Очень важный вопрос! Что так поразило меня в нем... Что я до сих пор испытываю робость в его присутствии, а сердце делает так: тук-тук-тук, — оно так не делало, когда мне на шею медаль повесили. До сих пор сложно сказать... А нет... Можно... Знаете, вот есть в некоторых личностях такое немое и пустое выражение глаз, ты никогда не знаешь о чем этот человек думает. И тут почему-то тебя это накрывает. Вот она! Моя загадка, которую я буду разгадывать всю жизнь. Даже после бури непонятных и гадких слов: «Я тебя не люблю...» И в этот момент его карие глаза не потускнели, в них никоим образом не явилось чувство вины. На них даже не нашло забвение из стыда, сочувствия, сострадания или трепета, — к моей разрывной ране в груди. Одним словом — Мудак!

Я обливалась кровью своего разбитого сердца. Все болело, а он тупо, как и тогда — десять лет назад, задумчивого

молчал, мечтая о нем... о своем «космосе»... сообщая мне, в диком волнении, что встретил свою будущую жену. Какая же я все-таки дура!

Я села за руль и в слезах, в соплях покатила домой.

Два дня я проводила свой долгожданный отпуск, как мечтают об этом миллионы женщин, находящихся в браке и с детьми. В полном одиночестве, и с доставкой еды за час. Я попробовала уже все виды пицц из соседнего кафе, все виды бургеров и картошки. Я ела и мне было плохо, я не ела и мне все равно было плохо. Тошнило в любом случае от такой жизни.

Отвратительное чувство полнейшего одиночества поглощало меня с каждой секундой.

Как-то ночью я проснулась от мучительной жажды, вошла в кухню, не включая свет, и меня накрыло. Ведь, так будет всегда! Мне тридцать девять лет и стакан воды мне никто уже не подаст. Вы не представляете настолько тогда мне было это страшно признать. Ревела я в ту ночь прямо до утра. Как соседи не вызвали скорую, полицию и психушку ума не приложу. Хорошие соседи – это те соседи, которым вообще плевать на вас. Воды я так и не выпила...

Соблюдая золотое правило своей покойной бабушки из интеллигенции, а она была из этих «премудрых», что первый бокал вина позволительно dame делать только после полудня. Я сделала свою первую бутылку вина уже в двенадцать двадцать. Бабуля бы была довольна. Внучка помнит все ее на-

ставления. И тут меня накрыло еще с большей силой. Мне пришло напоминание, что сегодня у меня запланирован антицеллюлитный массаж ягодиц. Сжимая подушку, напрягая свою попу, я вспомнила как в последнюю из наших ночей, в минуты страстного откровения он признался, что ему нравятся девушки с размером ягодиц больше среднего. Теперь я могу быть амбассадором или инфлюенсером всех женщин. «О, Великие Девы, перестаньте голодать, чтобы привлечь мужчину. Им нравятся большие ПОПЫ!!! Больше среднего. Забейте на диеты! Ешьте!»

Все что происходило со мной два дня напоминало уже помешательство. И я решила обратиться к специалисту. Да, я отправилась к психологу. К самому дорогому, у которого визит штука баксов. Это чтобы наверняка. Ждать пришлось три дня. До этого я успела прочесть его книгу. И она оказалась настолько интересной и разумной, что я часто и усиленно запихивая в рот кусок пиццы, вскакивала со словами: «А так можно было? Что так сразу говорить, что ты хочешь или пошел нафиг? А как же женская мудрость, понимание, терпение, которое нам с пеленок вещают мамы и бабушки? Ты говоришь это выбросить на помойку? Вау, да ты просто гений...»

«Уберись в комнате, а то замуж такую никто не возьмет», – припомнились мне слова матери.

МАМА, я убралась, посуду Мудаку помыла, а он все равно не берет! – крикнула я ей в ответ и залилась слезами. А

ты кружку ему уже помыла?

ГЛАВА 2

ГЛАВА 2

В женщинах есть эта черта. Устраивать парад во время глубочайшего поражения. Зачем-то надев самое дорогое красное платье, прилично обтягивающее мою грудь третьего размера, я задумчиво стояла перед зеркалом уже как двадцать минут.

Отражение все же высказалось правдиво: «Может уже, наконец-то, расслабишься и поймешь, что ты Красавица?! Зачем так палиться своим отчаянием?» Но я ответила в цвет: «Я тебя купила, я тебя и гуляю!»

Не могу же я прийти к знаменитому психологу за штуку баксов в рваных джинсах и футболке или в одном из двадцати своих спортивных костюмов. Бабуля бы этого не одобрила. Так как я давно не живу публичной жизнью, да и никогда не жила, с выходом в свет и посещением театров, то в ненужных платьях не нуждалась.

Я скучаю по своей бабушке. Это была самая удивительная женщина во всем мире. Таких... уже не делают. У нее был тот романтизм и лиричность, что присущий только очень порядочным, начитанным натурам. Скажу честно, что как женщину меня воспитала именно она. И я так понимаю, анализируя все наше женское древо, что генетика, если и одарила

нас геном, так это точно ген романтизма. А еще преданности! Весь наш матриархат почему-то влюблялся раз и навсегда.

— Дерьмо! — злостно выругалась я, обдумывая философию родословной, и вышла из дома.

В последнее время я ругалась часто. Вернее постоянно. Вот, к примеру: утром я спустилась в супермаркет, схватила бутылочку йогурта и отправилась к кассе. На очереди старушка. Как весь пожилой народ она не торопилась в поисках кошелька, потом подсчета сдачи, потом пересчитываем остаточных денежных средств. Я стала изучать прилавки в ожидании, когда же бабушка покинет свою точку опоры в полном убеждении, что ее не обманули. И тут, без всякого торможения к кассе подходит рослый мужик и протягивает барышне-кассиру банку пива. Та со спокойной совестью, улыбаясь нежданному путнику, явно игнорируя меня, начинает пробивать товар. На ее лице уже всплыла надпись: «Возьми мой телефон! Платье и шампанское сама себе куплю!»

Но я, не выдержав лирической сцены, взбунтовалась:

— Извините, я была за бабушкой. Сейчас моя очередь!

Барышня метнула в меня взгляд орла, пытаюсь отпугнуть меня от ее территории и добычи, вот нет в женском мире солидарности, ее просто нет:

— А вам какая разница! Будете следующей.

Ее грубый голос оборвал все мои дипломатические приемы решения этой спорной ситуаций.

Я не люблю несправедливости. Не переношу хамства. Поэтому, твердо сделав шаг вперед, тесно пропихнулась своими скромными габаритами между женщиной и прилавком:

— Мне... Есть разница! Прошу принять! — и ткнула ей йогурт прямо в лицо.

Девушка недовольно закатила глаза с густо наращенными ресницами, поджала губки с ядреной розовой помадой и выбила чек. Дальше история наглого Ромео и яркой Джульетты мне не известна. Я не против чужого счастья, но я против невежества. Да! В женском мире часто приходится бороться за свой йогурт, но соблюдайте очередь.

В скромной приемной, больше похожей на стандартный офис с мебелью из шведской сети магазинов, дверь была приоткрыта. Мое время начиналось ровно через две минуты. Приехала я за полчаса, но аккуратно дождалась назначенного часа. У меня совершенно дурацкая привычка – панический страх куда-то опоздать.

— Все ясно! Вы любите все контролировать, – крикнул хриплый мужской голос откуда-то из глубины офиса. – Проходите же...

Дорогуший мозгоправ откашлялся и уставился на меня, не приподнимаясь с кресла. Спустил очки и со сладострастным прищуром резюмировал.

— Такой красоты я давно не достаивался видеть. Вы что так нарядились? Сбежали из ночного клуба и решили зайти сразу, так сказать, поправить душу или отпустить «грехи»?

Моя челюсть, впрочем, как и его, тоже слегка отвисла. Я никак не ожидала, что психолог за штуку баксов будет сидеть в трениках и растянутой футболке с надписью «Спартак». Нет, я слышала, что футбольные фанаты могут поменять жену, любовницу, но команду – никогда. Но чтобы работать в таком виде! М-да... Кажется, я зря потратила деньги. Блин, повелась на рекламу очередного инстацыгана.

Челюсть я свою как-то собрала и парировала:

— ... а вас ночью, видимо, обворовали,... ограбили,... прихватив всю вашу нормальную одежду и мебель, оставив только спортивную сумку! – я обвела взглядом пустую комнату. – Где можно присесть?

— Да где вам удобно, но свое место я вам не уступлю. Нет, через час важный футбольный матч, не успею переодеться!

От такого ответа у меня слегка приподнялись брови. Доктор любит пошутить. Или это он серьезно?

Я аккуратно присела на середину кожаного дивана. На удивление он оказался приятным, уютным и располагающим к доверительным беседам. Закинув ногу на ногу, уставилась на мозгоправа, но еще не готовая к доверительным беседам.

— Так... Мне уже все ясно... Но вы оплатили час беседы, поэтому начинайте первой...

Что ему ясно? Я еще ничего не рассказала... Тяжело во-брав в себя воздух, затем резко выдохнув, с огромной натяжкой я начала готовить себя к откровению:

— Здравствуйте, меня зовут Мирослава... мне тридцать

девять лет...

Доктор резко пренебрежительно замахал руками.

— Стойте, вот не надо этого... тут не встреча анонимных алкоголиков. Давай сразу говорите свою проблему.

Я задумчиво почесала шевелюру с легкими волнами. Громко цокнула языком. И понеслась:

— Хорошо. Вот скажите? Он Мудак?

— Кто? — совершенно искренне удивился доктор.

И не обращая внимания на доктора, уставив глаза в потолок, я медленно вплывала в свои последние девятнадцать лет ожидания и боли:

— Я все прекрасно понимала. Это не любовь. У нас с ним точно хорошая дружба, но не то, что мне нужно. Дистанция на девятнадцать лет «как выйти замуж за свою первую любовь» затянулась. И превратилась из ста допустимых метров в десятки километров, а это вы знаете что?

— Что? — доктор продолжал удивляться. Он явно не ожидал спортивных метафор.

— Совершенно другие данные... Другие физические и моральные нагрузки. Дыхалка должна быть такой... ого-го какой, а я — чемпионка на коротких. Десять секунд и все, а тут девятнадцать лет забега. Понимаете? Михаил Петрович...

Мой доктор стал смотреть на меня каким-то веселым при-

шуром. Мне делалось с каждой секундой обиднее, а еще стыдно. Я же деньги на визит с кредитки взяла, чтобы его услуги оплатить, а он тут лыбу давит и очки свои медленно протирает. От досады я специально воткнула шпильку каблук поглубже в его ковровое покрытие.

— Вы это зря сделали... Я прекрасно вас слушаю.

Теперь я удивленно уставилась на мозгоправа.

И как вся моя олимпийская малышня, когда что-то сломает из инвентаря или конкретно накосячит, обязательно делает щенячьи глазки. И я последовала их примеру: ничего я не делаю, просто сижу. А глазки так бегают «тик-так», «тик-так». Смотрите чаще на детей, они вас всему научат.

— Что зря? — плохая игра выдавала меня с потрохами.

— Ковролин мне портите в кабинете. Вам вообще удобно так сидеть?

— Да.

— Простите, но вы сейчас выглядите как сексимвол Голливуда. Вы же спортсменка. Что так нарядились? От отчаяния? Или моя фотография так понравилась? Решили меня впечатлить своими данными?

И тут доктор снова закашлялся, но продолжал расплываться в улыбке. Я его явно веселила. А он вводил меня в бешенство.

Вот сейчас мне очень стыдно за этот момент. Я же в глубине души знала, что он прав. Но у девушек бывает: как нахлынет волна и уже рот не закрыть, а, ой, как хотелось бы.

И я сорвалась, накричала на него:

— Как хочу, так и буду выглядеть. Это мои права. И не... не потому что я феминистка, как сейчас принято всех называть или обзывать, а просто — женщина. Я хочу, чтобы на меня мужики смотрели и как там говориться «штабелем» укладывались и падали... а не просто дружили... — закончилось все диким завыванием со шпыняющими в носу соплями.

Мой дорогой психолог не приблизился ко мне, чтобы успокоить. Молча, достойно слушал и внимал картину типичной очередной истерички с нервным срывом.

И я опять не выдержала:

— К вам визит штука баксов стоит, а салфеток в комнате нет!!!

Вытирая глаза и нос тыльной стороной руки, я начала неприлично икать.

Доктор со всей невозмутимостью заявил:

— Ко мне приходят богатые люди и их простыми салфетками не утешить. А «веселые» барышни предпочитают пользоваться своим добром. Я так понимаю я у вас первый?

— По психологам я не бегаю, — обиженно заявила я, успокаивая дыхание.

— А что ко мне пришли?

Проигнорировав его вопрос, я задала свой:

— Сколько осталось времени?

Доктор спокойно посмотрел на часы и ответил:

— Еще сорок пять минут...

На меня накатила тоска. Я поняла, что доктор не поможет закрыть все мои гельштаты с Мудаком.

— Мне больше сказать нечего, — шмыгая носом ответила я. — Давайте просто посидим, а то я в таком виде ...

— Вы заплатили столько денег, чтобы так и не решить свою проблему с ... Как вы его назвали?

— Просто... Мудак...

— Странное имя, но да ладно... С вашим Мудаком... У вас, конечно же, есть проблемы с родителями. Давайте с них начнем.

Я с сомнением уставилась на него. А причем тут они?

— Одним предложением охарактеризуйте свою мать, — мозгоправ начал делать свое дело.

Я стала подбирать много всего от «инфантильная истеричка», до «баба-дитя», но вырвалось другое:

— «Гриша, надень штаны!»

Доктор слегка хрюкнул от вновь пришедшего приступа смеха.

— Очень интересно. Продолжайте...

— Да ничего интересного. За год до смерти папы, мы были с родителями на пляже, и я увидела, что у него вместо нормальных ног взрослого человека — детские ножки, такие тощие палки, а смуглая кожа обтянула ребра, что их легко можно пересчитать... Я помню, что сказала матери: «Папа очень похудел, посмотри какие у него ноги. Надо его об-

следовать!». А она как закричит своим писклявым голоском на весь пляж: «Гриша, надень штаны! У тебя ноги ужасные. Свою дочь пугаешь!». Через год папы не стало. Рак — плохая штука.

Волна из слез снова пришлась по моему лицу.

Доктор продолжал пытаться:

— А с отцом как?

Я мило улыбнулась. У меня был замечательный папа. Интеллигентный, скромный, вежливый. Все вспоминая о нем были в карамельных оттенках.

— Пожалуй... — я задумалась, — ха... «Возьми зонтик»...

— Что за история? Вас постоянно дожди преследовали?!...

Доктор не скрывал играющего любопытства: глаза заблестели и прищурились.

— Смешная история была. Мне шестнадцать. И у меня первое свидание. Ну, знаете, такое правильное, с родительским благословением, с конкретными временными рамками до одиннадцати часов вечера. И тут папа краснее, вернее, красными стали его большие уши, спрашивает тихо и неуверенно: «Ты зонтик взяла?» А я ему: «Пап, на небе ни облачка». А он еще больше покраснел и так деликатно, тонко промурлыкал: «У каждой девушки в сумочке должен лежать «зонтик», чтобы укрыться от «дождя»...! Это была такая тонкая аналогия, что мой совсем юный мозг не осилил ее до то-

го момента, пока папа не протянул, а затем лично положил в мою сумочку квадратные «зонтики» в красивой целлофановой упаковке. Шепча мне на ухо: «Эти надежные!» С тех пор у меня в сумочке всегда лежат «зонтики».

Михаил Петрович улыбнулся. И заинтересованно спросил:

— Ну а теперь, все же расскажите, зачем пришли?

— Я хочу забыть Мудака! И перестать думать о нем!

После этих слов отчаяние не покидало моего дивана. Слезы выступили на глаза, застывая все вокруг. Мне так стало себя жалко за пустые надежды, за потраченные годы ожидание любви, которой я почему-то не заслужила.

— Мирослава. У вас все получится. Через месяц начнется другая жизнь. У вас, собственно говоря, нет проблем...

Вдруг меня что-то кольнуло в груди. С ледяным блеском в глазах я уставилась на доктора. Он что шутит?

И я выпалила:

— Я девятнадцать лет ждала его люблю...а вы мне... Вы понимаете, что это ненормально! Что я просто одержима им! Меня надо освободить от этого плена тупого ожидания «люблю». Вылечите меня от него!!! Немедленно...

И доктор так спокойно процитировал мне:

— Кто ждал долго, еще подождет и будет ждать всю жизнь. У вас есть два решения: все бросить или ждать. Если бросите

— начнется новая жизнь, если останетесь — будете жить той же дичью: страдать, мучиться, терпеть и ждать. Но это неплохо... миллионы женщин во всем мире живут вторым вариантом, ради одного — быть с тем мужчиной, которого они выбрали сами. Но там обычно через месяц слово «люблю» исчезает навсегда, заменяется словами «должна», «так будет лучше», «не бьет, не пьет и так хорошо».

После его слов. С четким уровнем пофигизма к каждому сказанному слову я вскипела, мой рот было уже не остановить:

— Я.. Я вам — не миллионы женщин. Я женщина из сотни. Вы понимаете, что такое выиграть чемпионат даже уровня одной страны. В России сто сорок четыре или пять миллионов человек, половина из них женщин, треть девочек. Это уже примерно сорок миллионов. Но отбор идет из сотни. Я была первой! ПЕРВОЙ! Понимаете это?! Я тот человек, который в кровь может стереть не только пальцы на ногах, но и пятки, а потом снова и снова бежать... десять секунд... Вы себе представить не можете, как они превращающиеся в несколько часов ада.. Так что... дерьмо ваша теория... Зря только пришла...

Я вскочила с дивана, одернула платье, которое подскочило, чуть ли не оголяя, треугольник давно минувшего целомудрия, и направилась к выходу.

Остановившись в дверях, достала книгу и бросила ее к ногам мозгоправа:

— Гавно! Не благодарите!

Сев, в машину, я еще раз заревела, потом стала кулаками бить руль. И тут мне постучали в стекло.

Я оторвала голову и посмотрела налево. Нагнувшись, прямо в мое окно уткнулась мужская морда.

— Вам плохо? — совершенно вежливо и с нескрываемым участием, заботой спросил человек.

Но его голос почему-то отвратительными мурашками жалости прошелся по моей коже. А я не терплю к себе жалости.

Шмыгнув носом, я ответила, не опуская стекла:

— Да? А что?

Мужчина задумчиво продолжил:

— Может помочь?

Я оцепенела, посмотрела на мужчину лет сорока, лысаватого, с пузиком и процедила сквозь зубы:

— Себе помоги!!! — включив зажигание, выжав педаль газа, умчалась под изнурительный рев своей машины.

ГЛАВА 3

ГЛАВА 3

Бывшие — они как звезды, то неожиданно вспыхивают, то резко гаснут в вашей темной ночи жизни. В яркий, солнечный день вы никогда их в своей жизни не заметите, а просто будете жить дальше.

Но сами признайтесь себе: вы когда, собственно говоря, вспоминаете о своих прошлых отношениях? Правильно. Когда ретроградный Меркурий накрывает с головой. Когда почему-то абсолютно все же живут в счастье и достатке, а вот вы — такое единственное исключение из общепринятой нормы. К вам счастье идет и спотыкается через тридевять земель и из тридевятого царства, и где-то там — ваш Иван-Царевич, именно сейчас пытается поймать за хвост Синюю птицу удачи. А вы сидите и ждете его в темной башне обыденности.

Первую неделю расставания пережить особенно сложно. Ты весь как на иголках. От каждого пришедшего воспоминания, которые бурным потом льются непроизвольно в сознание, цепляясь за все самое-самое. И этот процесс остановит невозможно. Буквально умываешься слезами, а от каждой пришедшего сообщения вздрагиваешь, оказываясь в полной ловушке из страха и надежды. А это бесчувственный МЧС

информирует вас о приближающих дождях или засухе. Дожди уже пришли. Мудак не пишет и не извиняется. Его даже не волнует: как я себя чувствую и что решила с отпуском. А следом приходит новая волна отчаяния: «А вдруг он никогда не напишет?!» И тут наступает настоящее «Ледовое побоище». Всадники с криком «За ЛЮБОВЬ» сражаются и пытаются утопить железных, холодных захватчиков моей скромной души с лозунгом «Где же твоя ГОРДОСТЬ, Мирослава!».

Я вертела в руках телефон, и он молча реагировал на мое лицо, то включая, то выключая дисплей. Какая-то глупая игра. И зачем эти умные телефоны. Одно разочарование. Раньше же было как?! Дисплей загорелся — ага, звонок или сообщение. И становится сразу радостно в душе. А тут он — зажигается впустую. Его вообще не волнует, что я кого-то жду. Дождалась! Сообщение из банка: внести первый минимальный платеж по кредитной карте. Проанализировав встречу с мозгоправом, мне пришло разумное решение — потребовать деньги обратно. Легче от визита не стало. А денег, откровенно говоря, стало жалко.

Хотя... Его вопросы о родителях немного задели за живое. Я никогда не думала над темой: а хорошо ли жили мои родители? А насколько сильно они любили друг друга? Мне всегда было почему-то жалко папу. Он был таким милым, тихим и забавным...

И тут зазвонил домофон. Монитор показал, что за дверью с нетерпением ожидает, цокая каблуками, интересная и яр-

кая дама, как после модного показа господина Юдашкина.

Мамины духи своей мощью могли с легкостью вынести мою двойную, железную дверь, но они тихонько проникали, как шпионы в мои апартаменты. Я стояла у входа и кусала ногти. Такой тяжелой поддержки спасения от одиночества — я не хотела. Но родителей не выбирают, они сами как-то организовываются.

Тяжело выдохнув, молча открыла дверь.

— У тебя квартира в элитном районе, а все как-то несерьезно. Парковка далеко. Консьержка не знает кто я такая. Вокруг стройка. Шум, бардак! Хорошо, что бомжей нет. Их же нет?

Я отрицательно закачала головой.

Свою речь мама не говорила, а декламировала не останавливаясь. Сразу прошла в гостиную: уселась на диван. Ее парфюм теперь месяц будет стоять не только в моей квартире, но и во всем подъезде.

— Ты плохо выглядишь. Тебе пора к косметологу. Сходи к Елене, она тебе бровки поправит, твои как бревна. И почему ты до сих пор в пижаме. Уже четыре вечера!

Мама сняла солнцезащитные очки, медленно стянула белоснежные перчатки и обмахивалась ими, словно веером.

Я, как самый преданный лакей, выслушивала братья от барыни и ждала приказов. Это была еще не вся речь, после которой положено дочери вставить слово.

— стакан воды с лимоном, пожалуйста... Так почему ты

дома?

— Здравствуй, мама! — как можно вежливее промямлила я.

— Здравствуй, Мирослава! — мама оценивающе посмотрела на меня.

Я ушла за водой, но томный, слегка завывающий голос шестидесятилетней дамы с академическим выговором продолжал проникать в каждый уголок квартиры:

— Так почему ты дома и в таком виде? Я зашла случайно. Тут недалеко была выставка, меня пригласила Ирина Павловна, помнишь она помогала тебе с французским? У нее родилась внучка. Третья! Какой ужас... Такое «прекрасное» время, а люди продолжают рожать детей. Надеюсь, ты... — мама вдруг вскочила с дивана, — не беременна? Я не готова к этому... слову... БАБУЛЯ! Отвратительно! Ты же понимаешь?

Напомню мне тридцать девять и вполне вероятно, вы подумали, что семья уже замучила вопросом: «Когда же внуки! Мы же стареем и ты тоже!» В нашей семье никто не старел. Умирали — да! Но! Не старели.

Я подала стакан холодной воды и ответила:

— Нет, не беременная. У меня отпуск!

— И что ты... решила его так провести?

— У меня были другие планы, но они отменились.

И тут случилось страшное. Лилия увидела пакеты из детского мира. Я не успела отправить курьером игрушки для

детей Мудака.

— Боже! — небо обрушилось. — Ты опять с ним! Ты с ума сошла? Он же... Муда-а-а-а-к...

Глаза мамы были на выкате. Последнее ее заключение эхом проšlo по всей квартире.

— Мама, все кончено... Не переживай...

— МирО, да ты понимаешь, что у него куча детей и, скорее всего, ипотека на квартиру на ближайшие тридцать лет, в которой к тому же живет и будет жить его бывшая. А алименты на троих! Какой кошмар! Ты знаешь: сколько стоит содержать ребенка? Он же нищий! Боже, ну за что???

Указательный палец матери проткнул воздух.

Я взяла у нее стакан и молча поставила на столешницу, подавляя раздражение. Смотреть на мать мне было, откровенно говоря, страшно.

Чтобы избежать молний из глаз маман, молча уставилась на ее туфли цвета фуксии. Гроза поцокивала шпильками по мраморной плитке, узор на ней был в трещинах, как и вся моя жизнь.

— Миро, это же такая ответственность... Ты не представляешь, что я сделала, чтобы ТЫ просто жила и наслаждалась жизнью. Неблагодарная девчонка! Ничего не ценишь!

Это ее фраза резанула меня по самолюбию, и я не выдержала:

— Лилия Ивановна, а ну-ка... расскажите, как вы бежали по гостям и по академическим вечерам, пока у меня была ангина! А когда я стирала в кровь свои пятки, зарабатывая медали, откладывая призовые деньги, вы их без моего разрешения потратили... И что вы на них купили? А? Помните?

— Чайный сервиз..., — как нив чем не бывало сказала мать. — Николая II!

И это ее искреннее непонимание ввело меня в бешенство. Впервые в своей жизни я подняла голос на мать.

— А ты у меня спросила? Ты поинтересовалась: на что я их откладывала? Ты никогда не интересовалась тем, что мне нравится или хотелось. Ты заставляла и диктовала, манипулировала и подавляла меня. Ты всегда все решала за меня и папу. Это ты виновата, что у него случился рак. Ты ничего не замечала, пока ублажала своих друзей сплетнями о других. А он медленно угасал на твоих глазах...

И тут на мое лицо с размаху припала женская ладонь с тремя перстнями. Моя губа мгновенно вздулась. И я замерла. Меня никто еще ни разу в жизни не бил.

— Замолчи... — шипела мама в мне в лицо. — Замолчи, негодная девчонка. Ты не знаешь, что я вытерпела и пережила, приехав из своей глуши, с одним чемоданчиком. Ты-то никогда не голодала, у тебя всегда все было самое лучшее. И бабушка опекала, и папочка с серебряной ложечки кормил... Вот это, — она обвела квартиру, — это моя молодость! Это мои мечты! Твой папа был замечательным человеком! Но,

как вся интеллигенция — тьюфяком и трусом! ТРУууусОМ!

Мысленно я пыталась заткнуть уши и не слышать огненных слов матери. Они жгли мое счастливое детство, как сейчас пожары сжигают лес где-нибудь в Сибири.

— Пора тебе сказать правду, о нашем великом счастье. Я вышла за него замуж будучи глубоко беременная. Он не хотел до восьмого месяца признаваться родителю, что сын академика Арсеньева обрюхатил студентку первого курса, да еще деревенскую. И нас спасло с тобой одно — твой дед, профессор Арсеньев был болен. И слезно, в предсмертном состоянии, умолял своего Гришеньку поступить правильно, как мужчина. И потом... — мать уже сама глотала слезы. — Да, твой папа умный и талантливый, но в университете сотни таких как он. Если бы не я, которая перепечатывала его черновики, правила этот ужасный бисерный, корявый почерк, ломая глаза, ночами, а в перерывах меняя и стирая твои пеленки-распашонки, он бы никогда не стал доктором, а потом профессором. А потом... Он же был алкоголиком! Мы скрывали это от тебя. Вот, почему ты так часто была в спортивных лагерях и на сборах. А когда в стране начался бардак, эту профессуру просто выбросили на помойку, кто пристроил его в госучреждение, а потом в банк? Да, Миро... Три банки черной икры, две бутылки двадцатилетнего коньяка, наследство Леопольдовны, моей золотой свекрови и твоей горячо-любимой бабули, спасло нас от нищеты и разорения ... и... кое-что, что сейчас называется харассментом, помогло

папаньку занять место. Твоя олимпийская школа тоже входила в этот список моих жертв ради общего блага. Да. У меня нет таких данных, как у твоего отца и у тебя. Но... Я тот человек, который увидел и помог вам реализоваться! И что получила взамен...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.